

Halina Niefagina
Słupsk

Польский национальный мир в интерпретации Г. Гачева: спорное и стереотипное

Книга Г. Гачева *Соседи России. Польша, Литва, Эстония* продолжает серию размышлений автора над особенностями национального мира разных народов. Цель ее сформулирована достаточно отчетливо: „[...] зная мало, но облучая большим опытом национальных толкований и сравнений и построений, многое видя в детали: что бы она могла значить? – восставлять Целое мирозерцание, национальный Логос, читая и язык, и быт, и пищу, и телесность. А она – Духом сочится”¹.

Творческая задача писателя-исследователя обусловила своеобразие жанра книги. Это дневник размышлений, или жизненных мыслей, как определяет сам автор, очерк интеллектуального путешествия в изучаемую страну, дополненный впечатлениями от посещения ее. Одновременно это „опыт экзистенциальной культурологии, когда личность автора и его жизнь включены в процесс исследования”², а предмет рассматривается субъективно, и параллельно идет процесс самопознания. Это и сравнительная культурология, так как национальные особенности отчетливее высвечиваются при сопоставлении с другими национальными мирами, в случае Польши – с русским и, отчасти, немецким. А также дополняется польским образом американского мира. Гачев использует метод кластерного анализа, при котором „берутся пробы” из разных областей национальной жизни – языка, танца, музыки, литературы, пищи, бытового поведения, делаются какие-то выводы, а затем опять, уже на другом материале, так же разновекторно исследуются другие пробы из тех же областей. Поскольку все одновременно объять невозможно, а прямая последовательность имеет место тогда, когда существует предзаданная концепция, то автор совершает возвратно-поступательные движения-скачки в разные стороны. Накопление

¹ Г. Гачев, *Национальные образы мира. Соседи России. Польша, Литва, Эстония*, Москва 2003, с. 33.

² Ibidem, с. 1.

таких разнородных, казалось бы, данных складывается в целостное представление о Космо-Психо-Логосе поляков. Но такое свободное брожение-движение мысли требует предельного внимания при чтении книги, а после чтения возникает необходимость систематизации полученных сведений.

Автор основывает свои выводы не на внешних впечатлениях, а исходя из проникновения в глубинную суть польской литературы и музыки, как бы изнутри тех художественных образов, которые созданы самими поляками, следовательно, отражают процесс самоидентификации и обязательно выражают польский менталитет. Опорными для Гачева становятся знаковые в польской литературе произведения: *Дяды*, *Пан Тадеуш* А. Мицкевича, фразы Я. Кохановского, *Форпост* Б. Пруса, *Свадьба* Ст. Выспянского, *Мужики* Реймонта, *Барышни из Волчинок*, *Березняк* Я. Ивашкевича, *Граница* З. Налковской.

Гачев как будто плетет кружево из наблюдений и идей, пронизывая его восточными (китайскими) представлениями об элементах Инь и Ян, обращаясь к онтологическим понятиям Космос, Психея, Логос, к учению Платона о четырех стихиях, к мистике слова. Узор его прихотлив, но существуют постоянные точки возврата, центры, вокруг которых формируются повторяющиеся элементы кружева. Такими являются тезисы о преобладании женского начала над мужским, культе Девы Марии, о срединности (как географической в Европе, так и в ощущении времени, в ударении на предпоследний слог в слове), о доминировании Влаги-Воздуха над Земле-Огнем. Хотя исследователь и говорит о том, что заботится „не о «непротиворечивости» логического доказательства, но об яркости представления: не *доказать*, но показать различия национальные – и главное, и нюансы сопоставить в сравнении”³, но логика его мышления все время вращается вокруг нескольких концептуальных положений, которые он именно доказывает, иногда истолковывая факты в угоду своим представлениям (см. размышления о Липе как Мировом древе поляков, в которых тенденциозно трактуется поэзия, „притягивается” название месяца июля – польск. *lipiec* как знаковое, хотя так же месяц называется и по-белорусски, и по-украински).

Основополагающими понятиями в системе национального мира у Гачева являются Космос, Психея, Логос. Следует уточнить, что именно вкладывает автор в эти концепты. „Космос берется в первичном, эллинском

³ Ibidem, с. 14.

смысле: как «строй мира», гармония, но с акцентом на природном, материальном»⁴.

Логос – способ национального мышления, представление о происхождении мира, национальная логика, которую можно постигнуть через язык. Важными координатами являются Пространство и Время, Гония (порождение Природой, генезис) и Ургия (сделанность, сотворенность Трудом), женское и мужское начала, вертикаль и горизонталь, иерархия четырех стихий. Эти же натурфилософские четыре стихии составляют основу метаязыка, на котором, по мнению Гачева, можно выразить и физику, и метафизику. Опираясь на эти универсальные категории, исследователь и воссоздает национальный мир Польши. Прежде всего, вводится понятия „польскость” и „польство”. Первое относится к сфере духовного, второе – совокупность материально-телесного. При этом одно неизбежно перетекает в другое.

В моем представлении, наиболее уязвимой частью размышлений автора являются рассуждения о польском Логосе, в частности, о фонетической стороне языка. В польской фонетике Гачев слышит „потеснение чистого пространства [...] и активное вторжение влаго-воздуха” в носовых гласных, что бесспорно, и превалирование в них женского начала (с чего бы это?). В то же время отсутствие редукции гласных в безударных слогах, как это имеет место в русском языке, свидетельствует якобы о стихии Огня, более энергичном характере поляка. Отсюда делается вывод о том, что в польскости нет чинопочитания, тогда как в России четко разграничивается „ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак”, ибо в русском языке ударный, произносимый отчетливо, читается как Главный, уважаемый, а остальные гласные, редуцированные, воспринимаются как ничтожные слуги. Такие выводы кажутся довольно рискованными.

Шипящие, которых так много в польской речи, трактуются Гачевым как заглашение Огня Влаго-Воздухом (огонь в воде, мужское – в женском), в то же время шипящие в русском языке – это порождение Матери-сырой земли. Если это утверждение основывается на интуитивном чувствовании автора, то хотелось бы и какой-то аргументации. Тем более, что некоторые выводы, сделанные на основе фонетики польского языка, приходят в противоречие с теми, что сделаны на ином основании. Так, на распространенности шипящих строится вывод, что ничто не может быть „в чистом виде, в своей

⁴ Ibidem, с. 11.

форме, но – в смешении с прочим всем: со средою, с ближними; нет чистоты личности и индивидуализма, но переплетенность и увязанность”⁵, а через несколько страниц читаем иное утверждение: каждый человек – отдельное дерево и ценен именно своей самостью.

Фиксированное ударение на предпоследнем слоге подводит автора к мысли, что в польском Космо-Логосе важна середина, центр, мера, тогда как в русском нефиксированное ударение означает неприкрепленность к центру, „расхристанность”, свободу-вольницу, что, как мы знаем, не подтверждается реальностью отношений в русском Море, где четко разделяются центр и периферия, город как центр и деревня-околица, монархия как наиболее „русская” форма государственности, в патриархальной семье – глава и остальные члены и т.д.

Сравнивая польский и русский языки, Гачев отмечает, что в русском языке существует несколько наречий для выражения места (где, нигде, везде, здесь, там), так же как и для выражения направления (куда, туда, сюда, никуда, откуда), а в польском и место и направление выражаются одними и теми же наречиями. Отсюда вытекает, что в русском Космо-Логосе важны пространственные координаты и ориентация по горизонтали (даль-ширь), а в польском – аморфность внешнего пространства и стянутость внутрь, к себе.

В польском языке имеется форма 1-ого лица множественного числа повелительного наклонения, а в русском, как замечает Гачев, такой формы нет, субъект и объект разделены: один приказывает – другой исполняет (Ты бери! Вы берите!).

„Этот момент – автаркии, самоповеления и самоуправления, самообладания и самости вообще – важная отметина Польскости: индивид, хотя и выступает в связи со средой и как ее функция, но более *сам*, самоорганизован и самозаконен: сам себе приказывать и управлять собою может, быть сам себе господин”⁶.

Но ведь в русском языке тоже существуют речевые формы „Бежим!”, „Берем!”, „Молчим!”, „Пишем!” и т.д., то есть это не совсем корректная посылка для столь значительных выводов. Хотя другие основания действительно позволяют выделить такую черту Польскости, как самость.

В каждом языке тип обращения к другому, иному, незнакомому или собеседнику фиксирует особенности и Логоса, и Психеи. Форма обращения

⁵ Ibidem, с. 37.

⁶ Ibidem, с. 78.

pan, pani, państwo с 3-им лицом глагола ставит преграду фамильярности, подчеркивает значение и значимость каждого отдельного человека, его единичность. Вместе с тем это показатель статуса каждого в его же глазах, его самости (сам себе пан, господин). Очень верным представляется мысль о том, что государство – панство стоит не над каждым человеком, а складывается из отдельных его граждан-панов, и каждый сам себе государство. Эта мысль подтверждается поэмой Словацкого *Ян Белецкий*:

Наш польский край – готическая башня:
В ней тысяча колонн – подпора в храме.⁷

Эта значимость каждого отдельного человека соотносится с тем, что в польском Космосе особое значение имеет каждое дерево. В *Пане Тадеуше* Мицкевич разворачивает панораму лесной растительности, перебирая названия деревьев, любовно описывая каждое, как описывает фамилии шляхетских родов: „Деревья, сверстники, друзья князей литовских...”, – обращается Мицкевич, уподобляя дерево человеку. Это коренным образом отличается от русского самосознания, где речь идет не об отдельном дереве, а о лесе как символе и метафоре русской соборности.

Подобное соотношение единичного и общего, целого выводится Гачевым из названий страны и представителя ее, как теперь говорят, заглавной нации. „Polska (Польша) – это же прилагательное (в краткой форме). A Polak – существительное. В России наоборот: Русь, Россия – существительное, субстанция, а «русский» – атрибут, функция, следствие производное. [...] Вот персоналистический менталитет!”⁸

Для польского Логоса характерно обращение не к источнику, в прошлое, а к цели, в будущее: русскому вопросу причины „почему?” соответствует *dlaczego?*, т.е. для чего? зачем?, модус причины заменяется модусом цели. Но, с другой стороны, автор несколько раз подчеркивает „обращенность внимания назад, в прошлое”, видение будущего именно из прошедшего, попытки сослагательного наклонения в истории.

„Нет ничего слаще для польского Логоса, как ковыряться в «Ах, если бы тогда произошло не так, но иначе?» [...] настоящее, которое содержит в себе потенции Будущего – но не в себе, а в прошедшем, и, стало быть, некую иную возможную ипостась самого себя, нынешнего, настоящего,

⁷ Ю. Словацкий, *Избранное*, Москва 1946, с. 68.

⁸ Г. Гачев, *op.cit.*, с. 205.

– вот Время-наклонение осмысления всего в Польском Логосе”⁹, это *Future in the Past* – Будущее в Прошедшем. При этом прошлое отнюдь не учит, не становится опытом. Каждое поколение проходит свой путь проб и ошибок, отбрасывания не-Истинного, и попытки приближения к Истине-Абсолюту. В прошлом не ищут причин, в познании Истины нет поступательности, связи начал и концов. Гачев верно улавливает характерную черту польского пути: способность „самоначинаться от любого места во времени и пространстве, тут нет предела и закона, а милость-любовь и свобода-благодать: сразу можно выйти на истину. А можно и никогда”¹⁰.

Опираясь на синтетичность польского языка, Гачев высказывает предположение, что польский Логос больше связан с Бытием, с Гонимой (порождаемостью, а не сотворенностью), с растворенностью Человека в Природе, тождеством Материи и Духа.

Гачев цитирует А. Мицкевича, который в польском Логосе находит связи с Космосом-природой, указывая, что в польском языке, как и во многих славянских, слова в предложении не знают устойчивого порядка, а располагаются произвольно, в этом отношении славянская речь похожа на природу Польши.

Основу польского Космоса Гачев видит в доминировании надо всеми стихиями Воды и Воздуха, которые здесь предстают в своей нераздельности как Влаго-Воздух. Этот Влаго-Воздух обволакивает, „отсыревает” Землю, Душу, влияет на Дух поляка. Отсутствие Пустоты и роль Среды в польском Космосе формировались исторически, т.к. в геополитическом плане Польша находилась под давлением немцев с Запада, шведов с Севера, турок и татар с Юга, России с Востока.

„Польский Космос есть некое марево Бытия, надземное в основном, со стихией земли не натвердо связанное, так что земли может тут быть больше (как в Речи Посполитой) или меньше (как после раздела), но Польскость – не в квадратных километрах, а в воз-духе и в сердце, как в *Польском пилигриме* Мицкевича и у ссыльных в Сибирь поляков”¹¹.

История становления Польскости тем не менее увязывается с историей Польши по законам формальной логики, как тезис, антитезис и синтез. В этом плане до XVIII в. независимость как Богом данность, XIX в. – потеря независимости территории, зато романтизм духа, самопознание через страдание, высший расцвет творчества, начало XX века – изживание

⁹ Ibidem, с. 155, 156.

¹⁰ Ibidem, с. 106.

¹¹ Г. Гачев, op.cit., с. 252.

романтизма, то обретение (в 1919–1939 г.г.), то относительная потеря свободы и вновь ее обретение. Тезис и антитезис прослеживаются и в литературе. Романтизм раннего Мицкевича с отчаянием и одиночеством Богооставленности, начало самокритики в *Пане Тадеуше*, принятие жертвенности и страдания в литературе второй половины XIX в. Главный, как мне кажется, вывод Гачева в этом аспекте, что Польскость зиждется не на геополитических и территориальных союзах, а на сохранении духа польского в быте, языке, культуре, этикете и этике, то есть Польскость и Польша не совпадающие понятия. Польскость сохранялась поляками и за пределами родины, и даже рожденные вне польской территории поляки выражали эту Польскость. „Нигде поляки не онемечивались и не русифицировались; ибо уже сильна и неустрашима образовалась за прошлые века национальная субстанция: быт и язык, и дух, и обычай”¹².

В начале XX века русский философ Н. Бердяев тоже писал, что „поляки совершенно не поддаются ассимиляции. Польское государство было раздавлено и разорвано, но польская душа сохранилась, и с еще большей напряженностью выразил себя польский национальный лик”¹³.

Географическая срединность Польши, умеренность климата, среднеплодородность почвы, равновесие поля, леса, воды обуславливают явление Меры и Ритма, которые невозможно даже сопоставить с русской бескрайностью-безмерностью, давящей на человека. Знаковыми понятиями в русском Космосе являются Путь-Дорога и основная точка Пространства – Берег, Дома – Порог, во Времени – Канун. При этом мало важны Причины и Цели. Отсюда так значим образ странника, скитальца в русской литературе и русской жизни, ищущего правду, смысл, истину, но не имеющего представления, в чем же они заключаются. В пространстве Польства все действие совершается внутри Дома, и здесь имеет особое значение интерьер польского жилья. Но Дом понимается Гачевым не только как жилище, но как Дом души, Психо-Космос. С этой точки зрения представляется удивительно глубоким семантический анализ *Свадьбы* Выспянского, где в декорации усматривается „основная атрибутика и архетипия Польского Космо-Психо-Логоса”¹⁴. Вечная цель Польши как бы задана априорно историей ее. Ею является независимость, свобода. Знание этой цели порождает и особый гонор поляка, и его небрежность к труду,

¹² Ibidem, с. 41.

¹³ Н. Бердяев, *Судьба России*, Москва 1990, с. 243.

¹⁴ Г. Гачев, *op.cit.*, с. 134.

и особое пристрастие к веселью, пирам и свадьбам. И не странник, а пилигрим, знающий конечную цель пути, является знаковой фигурой Польскости.

В польском космосе Мировое древо, по Гачеву, – Липа. Выводит он это из фрашек Кохановского, посвященных чарнолесской Липе – огромному ветвистому дереву, под сенью которого могло укрыться немало людей. Выделяя в Липе важность кроны, листвы, автор „считывает” некоторые качества польского характера. С точки зрения исследователя, с чем трудно согласиться, „архитектура польская чурается готики и всякой остроконечности – вкус польский тяготеет к большей романскости, закругленности, «облости»... Каков, кстати, и образ Липы, ее тело. Ее широкий лист – широкий жест польской души. Она сгущает тень – как пускает пыль в глаза тщеславно гостеприимный поляк: шикануть и удивить”¹⁵.

В таких выводах больше поэтической образности, чем научной доказательности. Ведь в поэме Словацкого *Ян Белецкий*, к которой тоже обращается автор, есть такое сравнение: Наш польский край – готическая башня. Бердяев, сравнивая русскую и польскую души, тоже особо выделял готичность, устремленность вверх польской души.

Иногда Гачев просто игнорирует примеры, которые не укладываются в формирующуюся концепцию. Вообще же стоит отметить, что автор пропустил через свой натурфилософский метод огромный материал разных сфер бытия поляков, связав их интуицией и метафорой в единый Космо-Психо-Логос Польскости. И хотя не со всем можно согласиться, в целом Польскость как дух и душа поляка отражены верно.

Какова же Психея польскости? Какие качества души поляка и представления себя-в-мире высвечиваются в труде писателя-философа?

Прежде всего, выделяются учтивость, такт и подход как важнейшие качества польской души. В числе достоинств, на которые обращает внимание Гачев, галантность по отношению к женщине, воспитанная с детства, эмоциональность, отсутствие застенчивости как некоего комплекса неполноценности.

Выводы Гачева во многом перекликаются с тем, что писал Бердяев. Русский философ замечал: „В типичной русской душе есть много простоты, прямоты и бесхитренности, ей чужда всякая аффектация, всякий взвинченный пафос, всякий аристократический гонор, всякий жест. [...] Совсем иная душа польская. Польская душа – аристократична и индивидуалистична до

¹⁵ Ibidem, с. 77.

болезненности, в ней так сильно не только чувство чести, связанное с рыцарской культурой, неведомой России, но и дурной гонор. Это наиболее утонченная и изящная в славянстве душа, упоенная своей страдальческой судьбой, патетическая до аффектации. В складе польской души русских всегда поражает условная элегантность и сладость, недостаток простоты и прямоты и отталкивает чувство превосходства и презрения, от которых не свободны поляки”¹⁶.

Но Гачев не просто констатирует наличие тех или иных черт характера поляка. Он объясняет их появление исторически и геополитически.

В польском характере выделяются такие черты, как взрывчатость, вспыльчивость, спесь и гонор, сварливость, тщеславие. „Польский гонор”, „шляхетский гонор” – эти выражения стали в русском сознании фразеологизмами и отражают стереотипное восприятие характера поляка. Гачев выводит эти черты из своеобразия Космо-Логоса. В период независимой Речи Посполитой энергия поляков уходила на внутренние распри в сеймах, пререкания магнатов между собой. Выпестовывалось чувство значимости каждого Я, мера всего Личностью, самость. Даже в сеймах государственные решения могли быть заблокированы лишь одним несогласным, ибо главенствовало не большинство, а право вето одного. Возможно, и это связалось с теми самыми польским гонором и спесью. Как это ни парадоксально, но именно распад Речи Посполитой, раздел и подневольность Польши стали периодом наибольшего расцвета искусства и литературы, сформировали трагически-романтический Дух поляка и цель – Свобода Польши. Но одновременно развивалась и другая черта: „в мужчине польском силен «рессантиман»: поиск на кого бы свалить причину своих поражений, исторической неудачливости, и что ему чего-то не хватает для победы земной. И вот ищет рядом в немцах и русских, соседях, вины-причины, ну и в женах своих”¹⁷.

Понимая, что в каждой национальной душе есть положительные качества, есть и недостатки, Гачев не дает никакой оценки ни польской, ни русской душе. Ему не важно оценить, нужно понять. Понимание рождается из проникновения в историю формирования национальной Психеи, что прослеживается по веховым произведениям польской литературы от Мицкевича до Ожешки и по музыке Шопена, в которой автор расслышал момент перехода из одного измерения Души в другое.

¹⁶ Н. Бердяев, *Судьба России...*, с. 245.

¹⁷ Г. Гачев, *op.cit.*, с. 155.

Особое значение в национальном мире принадлежит отношениям человека с Богом и государством. Исследуя отношения с Богом, Гачев обращается к роли Отца-Матери-Сына в национальном Космосе, к тем понятиям, на основе которых формируются определенные „комплексы” (фрейдистско-юнгианский подход). По его мнению, в Польше архетип Отца мало значим, потому прежде и власть польского короля ограничена, никак он не тянет на роль Царя-батюшки, как в России. Так же умалено значение Сына. Главная роль принадлежит Матери. Польские святыни – иконы Матери Божьей Ченстоховской и Остробрамской как бы символизируют включенность Матки Боской в Психо-Космос Польскости.

Польская Мать – не страдальца-Богородица, пребывающая только в сане Матери, но „вечно молодая-юная Мать-Пани-Жена-Дева-Королева. [...] Значит, не только божественный и домашний сан у Матери-Девы, но и Социумный, царский: Владычица – и светская она. [...] Сверхмерно много ложится на Женское начало в Польше: еще и Правительницею быть во политике, метафизическою Королевою – именно так: не на политическом виду, на площади ее блудной, а сзади, потаенно, правя через любовь супруга и сына”¹⁸.

Культ Девы Марии Королевы небесной и покровительницы Польши – это своеобразное проявление доминирования женского начала в Космо-Психо-Логосе поляка. Бердяев тоже писал, что „в польской душе есть страшная зависимость от женщины, зависимость, нередко принимающая отталкивающую форму, есть судорога и корчи. Эта власть женщины, рабство пола чувствуются очень сильно у современных польских писателей, Пшибышевского, Жеромского и др.”¹⁹.

Опираясь на историю разделов Польши и на *Книги народа польского и пилигримства польского* Мицкевича, Гачев приходит к выводу, что судьба Польши переживалась как страдания Христовы, что разорванная на части между другими странами Польша уподоблялась распятому Христу. „Не умер Польский Народ: тело его лежит во гробе, и душа его покинула землю [...]. И на третий день душа вернется в тело свое, и Народ восстанет из мертвых, и все народы Европы выведет из неволи”²⁰.

Уравнивание себя с Христом порождало пафос страдания и жертвы, осознания своей особой миссии. Но и питало гордыню, рождающую презрение к другим народам. И Бердяев, и Гачев отмечают бульшую

¹⁸ Г. Гачев, *op.cit.*, с. 45.

¹⁹ Н. Бердяев, *op.cit.*, с. 245.

²⁰ А. Мицкевич, *Книга народа польского и польского пилигримства*, Москва 1918, с. 17.

чистоту польского мессионизма по сравнению с русским именно потому, что он вышел из переживания страдания и жертвенности и не был связан с господством государства в мире.

Сравнивая отношение к Богу и ощущение себя в Боге у русских и поляков, можно заметить, что русская душа расплывается перед Богом, в ней есть смирение, но мало жертвенности. Это православный духовный тип. Польская душа устремлена по вертикали (знакова и костельная готика) в переживание пути Христа и жертвенности. Это католический духовный тип.

Польский национальный мессионизм состоит в особых отношениях с польской государственностью. Польшу любят и жертвуют ей собой, но всегда, по выражению Гачева, поляк ценнее Польши. Уже упоминавшийся *Ян Белецкий* Словацкого тому пример:

Наш польский край – готическая башня:
В ней тысяча колонн – подпора в храме;
Пусть выпадет одна – какою силой
Ты удержишь храм? Все ляжет грудой праха!²¹

Польша понимается как состоящая из поляков, и недаром из гимна выводится, что залог существования Польши – существование каждого поляка: „Jeszcze Polska nie zginęła, kiedy my żyjemy”. В русском Психологосе наоборот: мы не погибнем, пока жива родина, „жила бы страна родная, и нету других забот”, „была бы только родина жива”, ведь русский человек „пред родиной вечно в долгу”. Гачев формулирует, казалось бы, парадоксальный тезис: чем меньше Польши – тем больше поляка. Но он улавливает эту противоречивую зависимость, сложившуюся исторически, когда потеря польских территорий и независимости породила всплеск национального самосознания, гордости своей польскостью и сохранением ее в самых неблагоприятных условиях. И наоборот: внешнее благополучие Польши приводило к расслабленности, упованию на жизнь здесь и сейчас, растрату сил без цели.

Сравнивая судьбу России и судьбу Польши, Гачев говорит: „Рок России – Единое, единомушие и единомыслие – от безразличия Бытия и человека... Рок Польши – множественность – воля и сознаний и страстных заинтересованностей – и правомочие каждого глаголати”²². Наверное, в этом и состоит основное отличие двух типов славянского Космо-Психологоса.

²¹ Ю. Словацкий, *Избранное*, Москва 1946, с. 68–69.

²² Г. Гачев, *op.cit.*, с. 60.

Существенно важным итогом книги является то, что Гачев на основе многовекторных исследований смог описать особенности Польского Космоса, польской ментальности, складывавшиеся на протяжении веков. Конечно, в условиях интеграции и глобализации происходят некоторые изменения, мутации национальных миров, но коренные свойства остаются неизменными, определяя „лица не общее выраженье” каждой нации.

Streszczenie

Polski narodowy obraz świata w interpretacji G. Gaczewa: polemiczne i stereotypowe

Książka G. Gaczewa *Sąsiedzi Rosji. Polska – Litwa – Estonia* kontynuuje serię rozważań autora o osobliwościach obrazu świata różnych narodowości. Zasadniczymi pojęciami w tym systemie według Gaczewa są Kosmos, Psyche i Logos. Ważne współrzędne to: Przestrzeń i Czas, Gonia (to, co zostało stworzone przez Naturę, geneza) i Urgia (to, co zostało stworzone przez pracę), męski i żeński początek, pion i poziom, hierarchia czterech żywiołów. W oparciu o te uniwersalne kategorie badacz odzwierciedla narodowy obraz świata Polski. Przede wszystkim wprowadza takie pojęcia, jak odnosząca się do sfery duchowości „polskość” i materialno-cieleśne „polstwo”.

Summary

Polish national world in G. Gachev's interpretation: disputable and stereotyped

G. Gachev's book *Russia's neighbours Poland, Lithuania, Estonia* continues the author's reflections on peculiarities of the national world of different peoples. The basic concepts in the system of G. Gachev's national world are Cosmos, Psyche, Logos. Important coordinates – Space and Time, Gonia (created by Nature, genesis) and Urgia (created by Labour), male and female origins, vertical and horizontal, the hierarchy of four elements. The researcher reconstructs the national world of Poland substantiating on these universal categories. First of all he introduces the concepts „polskost” and „polstvo”. The first one belongs to spiritual sphere, the second is the unity of material and corporal.